

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

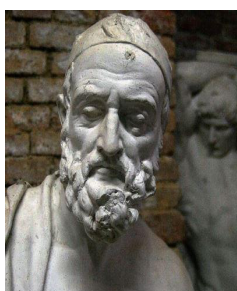
Эллинизм и Ранний Рим

Поздние логографы Геродот и Фукидид творили в эпоху наивысшего политического, экономического и культурного подъема Классической Греции. Начиная уже со второй половины V века до нашей эры, греческие города-государства вошли в полосу междоусобных войн, подтачивающих силу Эллады. Возможностью воспользоваться ослаблением не преминули соседи Греции – вначале Персия, старый враг, вернувший себе контроль над малоазиатскими греческими городами, а затем Македония, возвысившаяся при царе Филиппе II. Последний хитростью и силой подчинил себе греческие города-государства наследовавший ему Александр. Он повел объединенное македонско-греческое войско в беспрецедентный поход против Персии, покорив огромное царство, объединив таким образом Запад и Восток.

Появление новой мировой империи ознаменовало собой начало новой эпохи в истории античного мира – эпохи эллинизма. Эллинизм, в свою очередь, стал контекстом для новых вопросов, поднятых историографией. В первую очередь, вопроса о единой истории мира. История отдельных небольших провинциальных полисов не предоставляла самодостаточной модели для написания истории империи, поэтому инструментарий, созданный историками классической эпохи, требовал пересмотра, обновления и расширения.

Пожалуй, ключевой фигурой среди историков раннего эллинизма является Полибий (210-128 г. до нашей эры). Его отец был видным деятелем Ахейского союза, военно-политической организации пелопонесских городов-государств, да и Полибий сделал блестящую военную и политическую карьеру в Греции. В то же время он непосредственным образом наблюдал за возникновением нового мирового государства – Римского, присоединяющего одно за другим разрозненные эллинистические формации. В числе многих других был интернирован в Рим в 167 году до нашей эры. Полибий даже в качестве военного советника принял участие в осаде и взятии Карфагена в 146 году до нашей эры.

Неудивительно, что своими трудами он попытался обосновать римское владычество в глазах эллинов.

Названный «Всеобщей историей» труд Полибия охватывает историю всего Средиземноморья с 264 г. до нашей эры по 146 г. То есть Полибий, под стать Фукидиду, пишет о современных ему событиях. Его цель – изложить события как на Западе, так и на Востоке, приведшие к ослаблению военных монархий на востоке и подъему Рима. В центре его внимания не просто война или войны, а динамика взаимоотношений политических сил, определивших форму всего региона.

Первый среди историков Полибий прибегает к теории естественных циклов, что, наверное, является понятным, учитывая масштаб предпринимаемого интеллектуального дела. Следуя историку, государство можно уподобить индивидууму. Оно проходит период молодости, зрелости, старости, а затем и смерти – за подъемом следует упадок, столь же неизбежный, как и любой физиологический процесс. История, в которой государствам отведена главенствующая роль, утверждает закономерности, и Риму, как некогда эллинистическим монархиям, тоже рано или поздно придется испытать период заката и падения.

Полибий развивает понятие деловой, прагматической, истории. Историк должен быть современником событий, а лучше, участником. События, отстоящие на поколение или более от жизни автора, уже принадлежат недостоверной древности, готовой кристаллизироваться в миф. Полибий усматривает цель написания истории в раскрытии причинно-следственных связей между отдельно взятыми событиями. По своей сути эти связи остаются неизменными, но лишь недавно они стали намного очевиднее.

Возможность глубинного анализа причинно-следственных связей в Истории, по Полибию, отличает ее как процесс от природы. Именно поэтому Полибий не пытается найти причины неурожаев, внезапных эпидемий, стихийных бедствий. Совершенно в духе античной историографической традиции, он отказывается последним в историческом статусе.

Несмотря на рационалистический подход к описанию событий в истории, их причин и последствий, Полибий в ряде случаев апеллирует к мистической силе фортуны. Очевидно, что законы не могут полностью описать происходящее. И для таких исключений Полибием вводится понятие судьбы. Судьба, связанная также с понятием необходимости, вторгается в человеческие дела, обновляя мир и изменяя ход событий.

Это взаимодействие между закономерным и необъяснимым придает повествованию Полибия должное напряжение и драматический накал.

Полибий был греком, прожившим в Риме много лет, и придавшим римской историографии мощный импульс. Однако у римлян была и своя традиция фиксации прошлого. Эта традиция была связана с

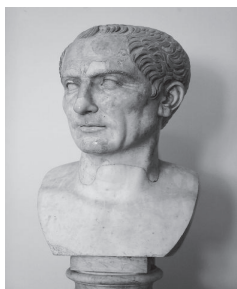

осознанием значимости места (а именно Рима) и той роли, что Риму предстоит сыграть в мировой истории.

Первыми авторами исторических сочинений были жрецы-понтифики. Они создавали так называемые «анналы». И поэтому они были известны как «анналисты». Анналы (в переводе с латинского – «годы») представляли собой перечень имен высших сановников, избранных или назначенных в данный год, тексты государственных документов, описания важнейших событий (главным образом из политической сферы).

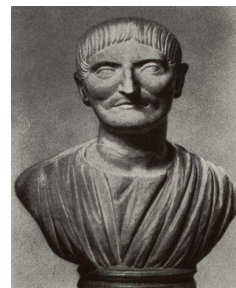
Авторы ранних анналов именуются «старшими анналистами». Большая часть их работ написана на греческом языке. Во II веке до нашей эры появляются работы «младших анналистов». Приблизительно в это же время, в 123 году до нашей эры, наиболее важные из анналов были собраны в форме «Великих анналов».

Для римских историков (как для периода анналов, так и для более поздних) характерно использование высокого литературного слога, а также тенденция к сравнению прошлого с настоящим, в основном в ущерб настоящему.

Из историков республиканского периода Римской истории следует назвать Юлия Цезаря, написавшего труд о завоевании Галлии, а затем сочинение о Гражданской войне 49–45 годов до нашей эры. Цезарь в своих трудах дистанцируется от себя, обращаясь к себе как к третьему лицу. Тем не менее, общий характер его весьма занимательных и информативных работ далек от объективного, являет собой пример исторической апологии, обоснование справедливости в поступках Цезаря политика и полководца.

Ключевым по своей значимости среди ранних римских историков является Гай Саллюстий Крисп (86–35 г. до н.э.), известный по таким «Заговор Катилины», «Югуртинская война» (после 39 до н. э.) и незавершенной «Истории», охватывающей период 78–66 гг. до н. э.

В поздней Римской республике Саллюстий был политиком, занимая высокие должности квестора, трибуна, а затем и претора провинции Африка. Долгое время он поддерживал Цезаря, считая, что последний способен возродить римскую доблесть. После его убийства, Саллюстий отошел от политики и занялся, по его мнению, наиболее достойным делом, историографией.

Сочинения Саллюстия, связанные с традицией анналистики, представляют новые для римской историографии формы написания истории.

Они посвящены отдельным эпизодам недавнего прошлого или современной автору политической ситуации: заговору римского патриция Катилины с целью ликвидации Республики и установления единоличной власти в 63 году до нашей эры, войне с нумидийским царем Югуртой в 111–106 годах до нашей эры.

Саллюстий декларировал, что занятие историей требует не допускать лжи и не бояться правды, а также не испытывать пристрастия или злобы. Последний пункт, однако, не означает, что Саллюстий оставался как бы в стороне. Наоборот, все его труды пронизаны тревогой за Рим и его судьбу. Желание разобраться в причинах внутренней эрозии обусловили выбор Саллюстием предмета своего исследования.

Саллюстий видит причину упадка республики в порче нравов, т.е. в исчезновении традиционной римской добродетели – виртус. Эта тема становится краеугольной для всей последующей римской историографии, так же как и краеугольным становится стремление использовать историю в качестве нравственного назидания современникам и предостережения потомкам. Он использует Катилину в качестве примера человека времени упадка: патриций Люций Катилина талантлив, но беспринципен, жаден, жесток и аморален. Похожую цель он преследует и в описании событий войны с Югуртой, затянутой, по его представлению, из-за горделивости и продажности знати.

Портреты других деятелей эпохи – Суллы, Мария, Красса – подчеркивают исключительное внимание, уделенное Саллюстием людям в целом с их добродетелями и пороками. История должна призывать читателей к моральному совершенствованию. Дидактическая направленность повествования вкупе с высоким литературным стилем, присущие работам Саллюстия станут моделью для подражания для историков и писателей Средневековья и нового времени.

Первым из римских историков, взявшихся за написание всемирной истории, одинаково амбициозной как по географическому охвату, так и по временной глубине был Тит Ливий.

Он также являлся и первым историком, не обладавшим опытом политического деятеля или военачальника. Ливий был свидетелем окончательной трансформации Республики в раннюю империю, или Принципат.

Главный труд Тита Ливия – «История Рима от основания города». Из 142 книг сохранилось лишь 35 книг – от основания до 167 года – при этом книги, касающиеся первой пунической войны, до нас не дошли.

Главная цель Ливия – передать дух Империи. Многие исследователям может показаться недостоверным, вымыслом. Следует признать, что вымысел функционирует отчасти как художественный прием, используемый автором для создания достоверного образа прошлого. Художественная правда истории для Ливия важнее неопровержимых, но второстепенных по своему смыслу фактов. Он не ставит перед собой задачу поиска новых сведений, а воссоздает близкие к идеалу картины жизни предков.

Как и Саллюстий, Ливий считает, что ему следует знакомить читателя с «поучительными примерами» из прошлого. Так, Римская древность отражена в его работе как время доблести и добродетели. Рост могущества и богатства вызвали порчу нравов, гражданские войны и конечное падение Республики. Прошлое противопоставляется настоящему при помощи нравственных оценок, коими обрамлена общая картина становления, расцвета и падения римского гражданского государства.

Тит Ливий обращается к далекому прошлому. И в этом его отличие как от Саллюстия, так и от Полибия. Естественным является вопрос: как воссоздать картину прошлого, не имея очевидцев? Многие Ливий подчёрпнул из книг предшественников, разнообразных записей, преданий и легенд о ранней римской истории. Излагая различные версии событий, Ливий не пытался примирять их друг с другом, не истолковывал и не критиковал предания и чужие мнения.

Для Ливия история – безусловно литературный жанр. Стремясь к художественному совершенству, описывая события в эпическом стиле, используя возвышенный слог, приемы риторики, драматизации повествования, историк демонстрировал величие духа и добродетели римлян. Последние являются для него особым народом, отдельным от всех остальных, призванным объединить всех в единое целое. Таким образом, Рим стал главным действующим лицом всей драмы истории.

Поставив Рим в центр исторической драмы, «История» Ливия превратилась в модель для историй других народов, заявивших о своей обособленности и уникальности исторической миссии. Тит Ливий закрепил «Римский миф» на закате Республики. Общее прошлое обрело осязаемую и осмысленную форму, превратившись в целостный образ. Падением Республики традиция была нарушена, но трудом Ливия традиция была и закреплена, став предметом рефлексии и скрепляющим элементом новой имперской идентификации.